

JĘZYKOZNAWSTWO I GLOTTODYDAKTYKA

Сергей Владимирович Феликс

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЛНОМ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМ СЛОВАРЕ (1899-1900 ГГ.) ПРОТОИЕРЕЯ ГРИГОРИЯ ДЬЯЧЕНКО¹

Key words: archpriest Grigory Dyachenko, church lexicography, Church Slavonic dictionary, religious lexicon, religious style, 20th century

Усвоенная русскими книжниками традиция, ведущая начало с XVIII в., восприятия лексикографического сочинения не просто как книги, но и как «златого ключа, отверзающего путь к познанию благородных и полезных наук» [Максимович-Амбодика 1783], обусловила существование к началу XX века в России значительного количества словарных изданий, с той или иной мерой полноты описывающих религиозную лексику. Среди них фундаментальные произведения, такие как *Церковный словарь* протоиерея П.А. Алексеева (1773-1819 гг.), *Словарь церковно-славянского языка* А.Х. Востокова (1858-1861 гг.), *Материалы для древне-русского языка по письменным памятникам* И.И. Срезневского (1890 г. и др.) и др. Помимо этого, «мелкие словарики» (или, по определению Г. Дьяченко, «книжки-игрушки» [Дьяченко 1900, 9], описывающие язык церковнославянских текстов, выпущенные в XIX в.) протоиереев В.Я. Михайловского, А.И. Свирелина и др. Однако, несмотря на обилие различного рода лексикографической продукции, лакуна, связанная с отсутствием универсального справочного толковательного пособия, описывающего с опорой на последние научные достижения в полноте своей конфессионально-терминологическую систему православного вероучения, не была устранена.

¹ Работа поддержана грантом Фонда развития ПСТГУ «Церковь и школа в России в период 1900-1918 гг.» (01-0317/КИП З).

В этой связи важным событием не только для русской церковной лексикографии, но и в целом для отечественной культуры явился выход в свет в 1899 г. и 1900 г. *Полнаго церковно-славянскаго словаря* (далее ПЦС) протоиерея Григория Дьяченко, который, по замыслу его составителя, должен был стать «справочнымъ» и «объяснительнымъ» пособием в деле изучения письменного наследия православной культуры для «всякаго православнаго христїанина», но главным образом – священнослужителей, проповедников, миссионеров, законоучителей, преподавателей русского и церковнославянского языков, а также учащихся старших классов средних учебных заведений [Дьяченко 1900, 10, 27].

Несмотря на свою значимость для русской культуры, ПЦС вплоть до настоящего времени не был объектом специального всестороннего научного анализа, хотя упоминания о нем и краткие статьи содержатся в дореволюционных журналах [«Богословскій вѣстникъ» 1900, 147-157; Прибавленіе къ Церковнымъ вѣдомостямъ 1899, 1956-1957], *Православной энциклопедии* [Православная энциклопедия 2013, 518-520], работе М.Э. Давыденковой [Давыденкова 2014]. Являясь одним из последних фундаментальных сочинений церковной лексикографии Синодального периода, ПЦС Г. Дьяченко оказал и продолжает оказывать большое влияние в области филологического и религиозного просвещения в России², вследствие этого он представляет особую актуальность в плане своего изучения в заявленном в теме статьи аспекте.

Анализ содержания ПЦС, подтверждая сказанное, показывает, что в нем представлена значительная часть теологических понятий, введенных в учебно-научный оборот в существующих к тому времени пособиях по изучению православного богословия и составляющих его терминологический минимум. Вся совокупность данных терминологических единиц, содержащихся в ПЦС, может быть распределена в соответствии с основными разделами богословского знания и представлена в виде следующих основных тематических групп: 1) библейская терминология (в т.ч. лексика, употребляющаяся в текстах Библии): *вѣльгѣтѣ, звѣзда виѡлеемская, мазореты, пешито, писаніе, помазаннїи, ковѣршенїи, поднебеснїи* и др.³; 2) литургическая терминология: *амвонѣ, антїдѡрїа, великїи выходы, кажденїе, камлѣвка, антїургїа, христочїа* и др.⁴; 3) терминология догматического богословия: *когѣ, коплоченїе, догматїи, прегубїесткленїе, ковѣтѣ, слово, церковь* и др.; 4) терминология нравственного богословия: *вѣра, гордость, добродѣтель, зло, ковѣсть, тщеславїе, честь* и др.;

² ПЦС Г. Дьяченко, помимо двух стереотипных изданий, вышедших в дореволюционное время (1899 г. и 1901 г.), активно переиздается в России большим тиражом, начиная с 90-х годов XX в. Последнее репринтное издание труда Дьяченко было осуществлено в 2013 году. ПЦС включает в себя около 30 тысяч слов.

³ Здесь и далее в статье примеры из ПЦС приводятся с соблюдением графико-орфографических особенностей источника. В связи с этим используются шрифты – древнерусский, старославянский и церковнославянский.

⁴ Библейская и литургическая лексика составляет основу религиозного словаря ПЦС.

4) терминология сравнительного богословия и ересеологическая: аввакумовщина, анабаптисты, аріаніє, богомилы, католики, сверхдолжные заслуги, чистилище; 5) терминология церковно-историческая и канонического права: андѣлѣма, духовный регламентъ, епитрахильная грамота, єпитиміѣ, каноникѣ, канонизовати, константинопольскіе соборы и др.

Как видно из приведенных примеров, по своей тематике религиозная лексика, помещенная в ПЦС, охватывает различные аспекты богословского знания⁵. Включение обширного и разноаспектного богословского материала отвечало общей «словарной программе» Г. Дьяченко, нашедшей выражение в названии своего труда и подробно изложенной им в Предисловии к ПЦС, в соответствии с которой ставилась цель «съ особенною полнотою объяснить слова и понятія строго церковныя» [Дьяченко 1900, 15]. Важно отметить, что реализация этой программы была в определенной мере подготовлена предшествующей религиозно-просветительской и научной деятельностью Г. Дьяченко, опубликовавшего к моменту издания ПЦС значительное количество богословских сочинений⁶. В то же время при воплощении своего замысла Дьяченко, безусловно, не мог не использовать накопленный к тому времени научный опыт.

При составлении ПЦС Г. Дьяченко привлек к работе широкий круг источников, различных по своему жанровому и тематическому характеру. Источниковедческую основу ПЦС составили указанные выше произведения отечественной лексикографии, а также *Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики* (1854 г.), *Матеріалы для словаря древне-русскаго языка* А.Л. Дювернуа (1894 г.), *Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка* Н.В. Горяева (1896 г.), *Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету* П.А. Гильтебрандта (1882-1885 гг.), *Опытъ библейскаго словаря собственныхъ именъ* протоиерея П.Ф. Солярского (1879-1887 гг.), рукописные материалы к *Словарю речений из богослужебныхъ книгъ* протоиерея А.И. Невоструева и др.; труды известных русских и западноевропейских филологов Ф.И. Буслаева, Я.К. Грота, А.А. Потемни, Ф. Боппа, Ф. Миклошича, Г. Курциуса и др.; библейские и богослужебные тексты, творения святых отцов Церкви (св. Иоанна Златоустого, св. Василия Великого, св. Симеона Солунского, св. Филарета (Дроздова) и др.), многочисленные сочинения по различным разделам богословской науки митрополитов Платона (Левшина) и Макария (Булгакова), архиепископов Феофана (Прокоповича), Вениамина (Краснопевкого-Румовского) и Филарета (Гумилевского), епископов Виссариона

⁵ В то же время необходимо отметить, что «полным» в плане состава описываемой религиозной лексики труд Г. Дьяченко можно назвать лишь условно. Сравнение ПЦС с *Церковным словарем* П.А. Алексеява выявляет факт того, что труд Дьяченко охватывает не всю религиозную лексику, описанную в последнем. Так, например, в ПЦС отсутствуют такие слова, как *авелониты, аскиты, воскомастика, пустыня, ризохранилище, веологія, церковное вино* и др.

⁶ См. подробнее [Православная энциклопедия, 518-520].

(Нечаева) и Сильвестра (Малеванского), протоиереев Д.И. Боголюбова, Г.С. Дебольского, ученых-теологов Ф.Ж. Вигуру, М.В. Барсова, Н.И. Ильминского, И.Н. Корсунского, А.П. Лопухина, П.А. Юнгера, И.С. Якимова и др.

Все статьи богословской тематики в ПЦС содержат более или менее развернутую лингвистическую характеристику, соответствуя основной цели словаря как лексикографического пособия. Языковая характеристика, представленная в ПЦС Г. Дьяченко по отношению к религиозным терминам, давала необходимый минимум знаний для читателей, штудирующих Священное Писание, богослужебные тексты и другую церковную литературу, на практике реализуя традицию, заложенную святым Максимом Греком в рассмотрении филологических занятий как «лествицы къ предивному и не приступному богословію» [Пекарскій 1862, 182]. В то же время она отражала и мировоззренческую научную тенденцию того времени, связанную с выражением идеи содружества между филологией и богословием, устойчиво проявляющаяся в учебных руководствах XIX века.

В качестве заголовочных в ПЦС включены религиозные слова, относящиеся к разным знаменательным частям речи: большая часть из них выражена именем существительным (*адмиа, мвѣра*) и глаголом (*говѣю, канонизовати*)⁷, гораздо реже толкуются имена прилагательные (*пракогланый, радифорный*) и наречия (*апогтолкыки, архѣглыки*). Предметом истолкования для Г. Дьяченко стали также и многочисленные синтаксические единицы терминологического или фразеологического характера (*радывый скатый, мѣфа и омга*). При этом большое количество статей содержит «затруднительные» для понимания «обороты рѣчи», встречающиеся в текстах Священного Писания, которые расположены в ПЦС «по руководящему слову» [Дьяченко 1900, 19]. Так, например, в статье *хлѣбъ* объясняются такие библейские выражения, как *хлѣбъ ангельскій, хлѣбъ небесный, хлѣбъ жалости, хлѣбы лица, хлѣбъ святой, хлѣбъ насущный* и др. Наиболее употребительные слова и фразы внесены в словник в той форме, в которой зафиксированы по связи в речи в приводимом тексте (*возстаниче; двѣри, двѣри, прѣмѣдростію конмеми*).

При дефинировании богословских терминов Г. Дьяченко, руководствуясь практическими соображениями, приводит к ним нормативные пометы, связанные с постановкой ударения (*запѣсныє дѣры, прогфорѣ, антндѣрѣ*)⁸.

В ряде статей в ПЦС отмечаются графико-орфографические, морфологические и этимолого-словообразовательные варианты орфографической кодификации лексикографируемого религиозного слова, при этом в редких случаях они сопровождаются нормативными пометами: *ѣфимоны, правильнѣ мѣд,имоны, ѱломникъ или псаломщикъ, ладанъ — ладонъ, хнротчѣѣл — хнротчѣ,ѣѣл, апракосъ — опракосъ — пракосъ, парамандѣл — парамандѣ*

⁷ В грамматическом оформлении заголовочных глаголов в ПЦС наблюдается разнობой: в одних случаях заглавное слово представлено в инфинитиве, в других – в форме наст. вр. 1 л. ед.ч.

⁸ Ударением в ПЦС снабжены только слова «церковно-славянскія новаго періода».

– параманѣ, сыропѣстїѣ – сыропѣстѣ, вѣрѣю – вѣрю, стѣхларїѣ – стѣхларѣ⁹. Некоторые наиболее употребительные слова фиксируются в титуловой записи: кѣѣ и гѣѣ, лѣѣ. Знания из области орфографии используются Г. Дьяченко также и в богословских целях. Так, полемизируя с раскольниками, в статье *Иисусъ Христосъ* автор ПЦС, опираясь на историко-лингвистические материалы, представленные в трудах митр. Григория (Постникова) и др., отвергает суждение беспоповцев и противоокружников о том, что Православная Церковь не сохранила правильное написание имени Спасителя, обозначая его как «Исусъ» (что в понимании лжеучителей является именем антихриста), а не «Исусь».

Несмотря на это, в целом нужно отметить, что, кроме ряда отдельных случаев, каких-либо более или менее развернутых комментариев нормативного характера, связанных с произношением и правописанием религиозных слов, а также их грамматической характеристикой в ПЦС Г. Дьяченко не представлено. В этом плане ПЦС существенно уступает не только ведущим лексикографическим произведениям XIX в., включающим в свой состав религиозную лексику, но и сочинениям XVIII в., а именно – *Церковному словарю* П.А. Алексеева, в котором, в частности, поясняющей грамматической характеристикой снабжена значительная часть лексикографируемых слов.

«Соль или пряность» ПЦС в его лингвистическом аспекте, по определению самого Г. Дьяченко, составляет этимология. Основу религиозного словника в этимологическом отношении, наряду со славянизмами (*прѣдѣлѣнїѣ, канѣ пакыкычѣа*), составляют заимствованные слова, большая часть из них – грецизмы (*арѣтосѣ, ѣѣхологїонѣ*), помимо этого, толкуются латинизмы (*алѣарѣ, кѣкорїѣ*) и гебраизмы (*млнлѣа, ѣѣѣѣѣ*), употребляющиеся в Библии и других церковных текстах. Сведения о происхождении религиозных слов переданы в ПЦС разными способами.

Следуя филологической программе А.Х. Востокова, Г. Дьяченко различает древнерусский и церковнославянский языки, признавая в истории развития последнего три периода: древний (IX–XIII вв.), который «непрерывно сливается» со средним (XV–XVI вв.) и новый (или язык печатных церковных книг) (с XVII в.). В соответствии с этой установкой Дьяченко графически маркирует заглавные слова, содержащиеся в ПЦС, с целью дать им историко-лингвистическую характеристику: 1) «русскимъ шрифтомъ» напечатаны слова «взятые из древне-русскаго языка» (*анѣхманѣдритѣ, архипастырь, радоница* и др.); 2) «древней кириллицей» – слова, употребляющиеся в «древнеславянскомъ языкѣ»: *гортановѣѣѣ, кератонѣ, покалипсѣ* и др.); 3) современным церковнославянским шрифтом – слова «церковно-славянскїѣ новаго періода» (*когородичны, прѣдѣлѣнїѣ, прѣстолѣ* и др.), почерпнутые

⁹ Многие вариантные написания религиозной лексики, отмеченные в ПЦС, были зафиксированы в *Церковном словаре* П.А. Алексеева.

из церковно-богослужебных книг [Дьяченко 1900, 3-4, 19, 28]. При распределении слов по трем обозначенным группам Г. Дьяченко опирался главным образом на указанные лексикографические сочинения П.А. Алексева, А.Х. Востокова, И.И. Срезневского, А.Л. Дювернуа.

Подобного рода последовательная дифференциация языкового материала, коснувшаяся в т.ч. и богословской терминологии, на страницах лексикографического произведения, безусловно, является в определенной мере новшеством в истории отечественного словарного дела. По замыслу составителя, выделение лексических пластов при описании словарного материала было осуществлено не с целью показать их языковую разнородность, но, наоборот, с тем чтобы «поставить въ органическую связь весь лексическій запасъ церковно-славянскихъ словъ новаго періода съ словами древне-рускими и древне-славянскими, как родственными нарѣчіями одного и того же славянскаго языка» [Дьяченко 1900, 5]¹⁰. Необходимо отметить, однако, что на практике реализация данного замысла представлена в ПЦС во многих случаях без соответствующей доказательной лингво-исторической базы, что, в частности, проявляется в отсутствии ссылок, указывающих на источник лексического заимствования (см., например: *свѣтокоупство*, *свѣтопервый*, *святогорець* и др.).

Следуя традиции предшествующей церковной лексикографии, в ПЦС Г. Дьяченко приводит сведения о языке-источнике заимствования и толковании слова в нем (*ѧнѣидѡръ* – греч. *ἀντίδωρον* букв. «вмѣсто дара»; *ѧлѣарь* – от лат. *alta u ara* – «возвышенный жертвенникъ»; *ѧвѣа* – сир. «отець»; *ѧвѣрамъ* – евр. «отець множества»). Важной особенностью ПЦС, отражающей научные поиски ученых XIX века, является «определение корней древне-русскаго и церковно-славянскаго языка данными» из области сравнительно-исторического языкознания, в т.ч. санскритологии [Дьяченко 1900, 23] (см.: *когъ*, *клагѣи*, *кѣсѣ*, *кѣра*, *говѣнїе*, *грѣхъ*, *жертва*, *свѣтый* и др.). Основным пособием в этом стали для Г. Дьяченко *Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики* (1854 г.) (в т.ч. опубликованный в них *Сравнительный словарь церковно-славянскаго и санскритскаго языка* А.С. Хомякова).

Наиболее проблемные с точки зрения своего происхождения религиозные слова сопровождаются в ПЦС более или менее подробным этимологическим комментарием (см.: *адамъ*, *крякъ*, *кадило*, *кандило*, *камнилка*, *орарь*, *паперть*, *пѣсѣ*, *радоница*, *свѣтый*, *скуфья*, *сола*, *чропарь* и др.). Так, например, статья *Паперть* отражает филологическую дискуссию, развернувшуюся на страницах журнала «Христіанское чтеніе» в XIX в., связанную с вопросом о происхождении обозначенного слова. Вслед за *Н. Бр – чь* Г. Дьяченко

¹⁰ Данная точка зрения на природу русского и церковнославянского языков, рассматривавшихся «не иначе, какъ въ смыслѣ двухъ началъ или даже двухъ отгѣнковъ слога одного и того же языка» [Сухомлиновъ 1874, 310], выражала общепризнанное на то время мнение, отраженное во многих научных и учебных пособиях XVIII-XIX вв.

отвергает мнение об иностранной этимологии слова «паперть» («рацрег – бѣдный въ томъ предположеніи, что въ этой части храма стояли обыкновенно бѣдные» и др.) и придерживается точки зрения, согласно которой данное слово является «чисто русскаго происхожденія» («Паперть» – слово сложное, состоитъ изъ двухъ основъ: изъ “па” и “переть” (...)); вследствие этого паперть храма «будетъ означать такое мѣсто, которое не вполне заперто (...) полузаперто, полузакрыто»), приводя в подтверждение этому обширные выписки из статей *Н. Бр – чь*, касающиеся его истории и первоначального значения в литургическом языке [«Христианское чтеніе» 1890, 233-238].

Этимологические приемы в ряде словарных статей используются при текстологическом рассмотрении разноязычных версий Священного Писания с целью толкования «темных мест». Так, основываясь на данных библейской критики, в статье *Ѡ҃ч҃ѣшнѣль* Г. Дьяченко, поднимает актуальный вопрос о правильности перевода в славянской Библии греческого слова «παράκλητος» (в применении к названию этим именем Святого Духа) словом «Ѡ҃ч҃ѣшнѣль», а не словом «Ѡ҃ч҃нѣль». Отвергая последнюю точку зрения, Дьяченко пишет, что перевод слова «παράκλητος» словом «Ѡ҃ч҃нѣль» «не оправдывается ни употребленіемъ термина въ ветхомъ завѣтѣ, ни значеніемъ его въ 1 посл. Иоанн. 2, 1». Помимо этого, исследуя этимологию слова «παράκλητος», Дьяченко отмечает, что, несмотря на его исконное страдательное грамматическое значение, «еще въ древнѣйшій періодъ времени» оно стало иметь и действительное значение, поэтому славянский и русский перевод слова «παράκλητος» словом «Ѡ҃ч҃ѣшнѣль» (в его активном значении ‘помощник’, ‘покровитель’, ‘заступник’) «имѣеть всѣ права на существованіе и согласенъ съ древнѣйшимъ значеніемъ подлежащаго переводу слова».

Сопоставление этимологических сведений, касающихся религиозной лексики, с соответствующими современными научными данными по этимологии свидетельствует в большинстве случаев о их достоверности¹¹. В то же время необходимо отметить, что статьи, содержащие материалы по этимологии, в которых Г. Дьяченко сближает славянские слова со словами санскрита, требуют к себе, безусловно, критического отношения. Так, например, не подтверждаются современными научными исследованиями сведения по этимологии, приведенные в ПЦС в статье *Гр҃҃ѣхѣ*, где Г. Дьяченко возводит этимологию одноименного слова к санскритским словам «гарг(h), гарг(h)ати и гарг(h)ајати», имеющим значение ‘хулить’ и ‘презирать’; в статье *Вѣ҃ра*, в которой указывается, что названное слово соотносится с санскритскими «вир – вираіати», обозначающими «быть сильнымъ»; в статье *Человѣ҃къ*, где происхождение обозначенного слова интерпретируется при помощи санскритских элементов «чел» – ‘думать’ и «вик» – ‘живущій».

¹¹ При анализе сведений о происхождении слов, содержащихся в ПЦС, были использованы этимологические словари М. Фасмера, П.Я. Черных, О.Н. Трубачева.

Знания из области этимологии должны были способствовать, по замыслу Г. Дьяченко, более глубокому раскрытию лексических значений лексикографируемых слов. Основными видами толкования религиозной лексики в ПЦС являются следующие: 1) родо-видовые толкования (*Блюсквацинїи* – «таинство церковное, совершаемое надъ больнымъ чловѣкомъ священниками»); 2) партитивные толкования (*Акафистъ* – «молитвословіе, состоящее изъ 1 кондака, который поется, и изъ 12 кондаковъ и икосовъ (поровну), которые читаются»); 3) толкования, содержащие указание на цель, предназначение или функцию обозначаемого предмета (*Било* – «деревянная или металлическая доска, въ которую ударяють или бьють, чтобы стукомъ или звукомъ созывать вѣрующихъ къ общественному богослуженію»); 4) синонимические (*Пророкъ* – «предсказатель, прорицатель, предвѣщатель»); 5) толкования, содержащие обобщенную характеристику происхождения обозначаемого предмета (*Монисты* – «еретики, отъ Монтана происшедшіе во 2 вѣкъ, т.е. около 174 года»); 6) описательные толкования (*Равноапостоки* – «тотъ, кто сравненъ съ апостолами». *Архіерейскій* – «принадлежащій архіерею». *Архіерействокати* – «быть священночальникомъ»); 7) толкования смешанного типа (*Вандило* – «свѣча, подсвѣчникъ, сосудъ для возженія елея, называемый у насъ лампадою»)¹².

Особое внимание Г. Дьяченко уделяет проблеме семантизации библейской лексики. В Предисловии к своему сочинению, размышляя над проблемами библейской лексикографии, он классифицирует имеющиеся словари по данной тематике в соответствии с двумя типами: задачей первых является описание библейско-славянского языка как части общего церковнославянского наследия, задачей вторых – описание библейского языка отдельных книг Священного Писания. Недостатком словарей первого типа, по мнению Дьяченко, является лаконичность определений библейской лексики, а в словарях второго типа лексическое значение библейских слов описывается только с учетом контекста его функционирования в конкретной книге, а не всей Библии, вследствие чего их толкования «теряют полноту своего логического определения» [Дьяченко 1900, 14]. Осознавая данные проблемы, Г. Дьяченко стремится преодолеть их отрицательные стороны, ставя перед собой задачу на основе анализа всех частных употреблений слова «на протяжении всей Библии», дать более или менее полное и точное толкование лексикографируемой единице. Так, например, дефинируя значение слова «кмгодать», Г. Дьяченко приводит следующее определение: «В строго богословскомъ смыслѣ благодать есть спасительная сила Божія, дающая христіанину средство къ достиженію жизни вѣчно блаженной». Подобного рода «методомъ», по подсчетам самого Дьяченко, в ПЦС объяснена «приблизительно третья часть» библейских

¹² Названные виды толкований религиозной лексики в своей совокупности впервые были использованы П.А. Алексеевым в *Церковном словаре*. См. подробнее: [Феликсов 2012, 55-68].

слов, употребляющихся в текстах Ветхого и Нового Завета (см.: агнецъ, адъ, окрѣзаніе, пагѣа, скниѣа и др.).

В ПЦС Г. Дьяченко описаны многочисленные значения и смысловые оттенки религиозных слов, функционирующих главным образом в библейских или богослужебных текстах. Примером наиболее богатых и разработанных по смысловому содержанию словарных статей, описывающих значения многозначного слова, могут служить *вѣра*, *дѣла*, *дѣла* и др.

В контексте исследуемой темы важно отметить, что в ПЦС различаются дискурсивно-семантические варианты многозначных слов в зависимости от светской и религиозной сфер их функционирования. При этом в начале описывается значение слова в светском дискурсе, а затем приводится определение, исходя из религиозного контекста употребления лексической единицы (*Всыновленіе* – «по законамъ греческихъ царей отцы, не имѣющіе естественныхъ дѣтей, могли усыновлять постороннихъ людей и отдавать имъ въ наслѣдство свое имѣніе. По св. писанію придается всыновленіе всѣмъ вернымъ, ибо ихъ Богъ усыновилъ Себѣ и призвалъ въ наслѣдіе царства безконечнаго, о единокорномъ Сынѣ, Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ»).

Расположение религиозных дискурсивно-семантических вариантов многозначного слова в ПЦС, как и Церковном словаре П.А. Алексева, подчинено в основном принципу, согласно которому в начале словарной статьи помещаются значения прямые, а затем переносные (метафорические и метонимические), обнаруживающиеся в церковных текстах, что, безусловно, ориентирует читателя, прежде всего, на буквальное или конкретно-историческое восприятие церковных текстов, а затем – их «таинственное» осмысление (т.е. аллегорическое и типологическое). Например: *ягнецъ* – «1) ягненокъ; 2) ветхозавѣтная жертва, прообразовавшая Христа (Исх. 12,5; Лев. 22, 27); 3) Иисусъ Христосъ (Иоан. 1, 29; Апок. 4, 4, 10; 5, 14); 4) часть просфоры, с печатью Іс. Хс. Ни Ка, вынимаемая на проскомидіи и предназначенная къ таинственному пресуществленію въ Тѣло и Господа Иисуса Христа».

Диффузный характер семантики многих словоупотреблений создавал объективные сложности в разграничении значений и смысловых оттенков. Этим объясняется определенная непоследовательность, наблюдающаяся в ПЦС по отношению к лексикографированию многозначных слов: в одних случаях значения слова приводятся за особым номером или под буквой, а оттенки значений помещаются внутри рубрик, в других – при описании значений слов и их оттенков цифровая нумерация или буквенное разграничение не вводится, разделяются же они с помощью точки с запятой «;».

По указанной причине в ПЦС обнаруживается определенная непоследовательность и по отношению к разграничению омонимов и значений многозначных слов. В одних случаях значения многозначных слов оказываются помещенными в пределах разных словарных статей: *Оугагак*

«(...) учреждение, распрямление, законъ. Уставы человеческого существа – законы человеческого естества (Канн. 2. Рожд. Христ. п. 4, тр. 3)». *ὄργανον* «(...) такъ называемая церковная книга, в которой опредѣляется составъ, порядокъ и чинъ церковныхъ богослуженій (...)». В других случаях, наоборот, под одной вокабулой находятся значения, разошедшиеся исторически или генетически несвязанные: *Воздухъ* – «упругая и прозрачная газовая оболочка, окружающая земной шаръ и служащая к дыханію живыхъ существъ. Но въ нашей церкви онъ имѣетъ еще и другое значеніе: воздухомъ называютъ подобный платку покровъ, которымъ по совершении проскомидіи (...) бываютъ покрыты святыя дары (...)». В то же время в ПЦС разграничиваются слова-омографы (то есть оформляются отдельной словарной строкой), см., например: *ра́ка* и *рака̀*.

Основными лексикографическими источниками при описании лексических значений религиозных слов послужили для Г. Дьяченко *Церковный словарь* П.А. Алексеева [Алексѣевъ 1817-1819], а также рукописные словарные материалы А.И. Невоструева. Ср., например, словарные статьи на букву «Б» – «Бездна», «Блажити».

<i>Церковный словарь П.А. Алексеева</i>	ПЦС
Бездна, Сперва взята въ писаніи за начало водъ земныхъ, на которыхъ въ первый творенія день по верхъ плавали всякія вещи. Быт. 1. 2. Псал. 103. 6. — Индѣ берется бездна за сладкія воды, за источники и потоки обильно текущія. Второз. 8. 7. и 33. 13. Псал. 77. 15. Иногда значить тяжкія или многія бѣды. Псал. 41. 8. Напоследокъ темницу или мѣсто осужденныхъ на вѣки съ диаволомъ, и отверженныхъ отъ Бога людей. Лук. 8. 31. Апок. 9. 1. 2. СРАМОТА, поношеніе, поруганіе. Псал. 68: 8 и 108. 29. Индѣ значить состояніе отъ людей презираемое, безславное и безчестное Евр. 12. 2. (...) Так же срамота значить индѣ рдѣніе отъ стыда, т. е. стыдѣніе или зазрѣніе, бываемое при содѣланіи худа (...) Дам. 20 лист.	<i>Бездна</i> – пучина морская, не имѣющая дна, без дна, бездонная; въ Св. Писаніи: 1) начало водъ земныхъ (Быт. 1.2; Пс. 103, 6; 2) источники, обильно текущія (Втор. 8, 7; 33, 13; Пс. 77, 15); 3) тяжкія бѣды, Пс. 41,8; 4) темница, или мѣсто осужденныхъ на вѣчныя муки бѣсовъ и грѣшниковъ, отверженныхъ Богомъ (Лук. 8, 31; Апок. 9, 1, 2).
<i>Словарь речений из богослужебных книг А.И. Невоструева^а</i>	ПЦС
Блажу [блажити несов.] μακαρίζω называю или почитаю блаженнымъ; прославляю, возвеличиваю (Сир 11.28; окт.7 кан. п.6,1 [страстотерпцы ублажимъ, славнаго Сергія и Вакха приснословущаго]; ср. 3 седм. Чет. трип.2 п.8 богор. [всѣхъ христіанъ мольбу пріими, Тебе бѣжащихъ во вся вѣки]; чт. 3 седм. Чет. трип. 1 п.8, богор. [Родове родовъ Тя, Бѣоблженная, оублажають]); уважаю (Сир 25.26); то же, что благословляю; ἀγαθύνω дѣлаю счастливымъ или блаженнымъ, благодетельствую, благо творю (Пс 40.3; /50.4; 124.4; 3 Цар 1.47), обогащаю; благочестиво, ревностно забочусь о чем-либо добром, делаю добро (Пс 35.4); [ублажи]лъ сотворити правое ἠγαθύνας ποιῆσαι τὸ εὐθεῖς ты ревностно совершил праведное или святое дело (4 Цар 10.30); исправляю, улучшаю, обновляю (вт. 3 седм. Чет. веч. на стхв. стх.1 [да не убо отречеши мя	<i>Блажити</i> называть или почитать блаженнымъ; прославлять, возвеличивать (Сир. 11, 28. Лук. 1, 48); уважать (Сир. 25, 26); дѣлать счастливымъ или блаженнымъ (Пс. 40, 3); благодѣтельствовать, благотворить, обогащать (Руѳ. 3, 10); утучнять, дѣлать вкуснымъ. <i>Ублажитица</i> – радоваться, веселиться (3. Ездр. 9. 45). (Невостр.).

...но ублаживъ присвой къ себѣ, Члвколюбче); ублажаюся [ублажати несов.] радуюсь, веселюсь (3 Езд. 9,45); раз-блажаю [разблажати несов.] λλαίνω утучняю, делаю вкусным (Руф 3.10; 1 Цар 2.32; Авв 1.16).	
--	--

^a Материалы из словаря А.И. Невоструева приведены по его публикации в «Вестнике ПСТГУ», см. [Невоструев 2008, 71-112].

Помимо этого, отметим, что большая доля заимствований при дефинировании литургических терминов (составляющих, как указывалось выше, наряду с библейской лексикой основу религиозного словника ПЦС) приходится на тексты святителя Симеона Солунского [Симеонъ Солунскій 1884] и архиепископа Вениамина (Краснопевкова-Румовского) [Вениамин (Краснопевков-Румовский) 1992]. См., например, словарную статью *амвонн*.

<i>Новая скрижаль архиеп. Вениамина (Краснопевкова-Румовского)</i>	ПЦС
Амвонъ. Отъ середины возвышенія или соли, дальѣ во храмѣ находится другое особенное возвышеніе, которое называется <i>амвонъ</i> . Амвонъ, по словамъ св. Германа, означает находившійся у св. гроба камень, который отвалилъ ангель, проповѣдуя и глаголя о воскресеніи мироносицамъ (...) Такъ как на амвонъ восходятъ только священники и діаконы, образуя собою ангеловъ, и на немъ читаютъ Евангеліе, посему на него и не дозволено всходить никому другому для какого бы ни было чтенія.	Амвонъ (...) возвышенная, большею частью полукруглая и выдвинувшаяся въ середину храма, средняя противъ царскихъ вратъ часть соли, откуда диаконъ возглашаетъ ектеніи, читаетъ евангеліе, а священникъ или вообще проповѣдникъ говоритъ поученія предстоящему народу. Амвонъ, по словамъ св. Германа, патр. царградскаго, знаменуетъ находящійся у св. Гроба Господня камень, который отвалилъ ангель и съ котораго онъ благовестилъ мироносицамъ о воскресеніи І. Христа (Нов. Скрижаль. стр. 33). Такъ как на амвонъ восходятъ только священники и діаконы, образуя собою ангела, и на немъ читаютъ евангеліе, то на амвонъ не дозволено восходить никому другому для какого бы ни было чтенія... Впрочем... иподіаконы и чтецы, при чтеніи апостольскихъ посланій, не всходятъ на амвонъ, а становятся на ступень его.
Книга о храмѣ св. Симеона Солунского	
18. Предъ Алтаремъ противъ Царскихъ вратъ находящійся амвонъ знаменуетъ камень, отваленный отъ Гроба Христова, съ котораго Священники и Діаконы, по образу Ангела, благоѣстившаго воскресеніе Спасителя, проповѣдуютъ Божественное Евангеліе, Діаконы во время священныя Литургіи, а Іерей на утрени вмѣстѣ съ прочими утренними молитвословіями.	

Несмотря на указанные недостатки в целом, нужно признать, что толкования лексических значений религиозной лексики являются наиболее сильной стороной ПЦС¹³.

Как и в пособиях, послуживших источниками для Г. Дьяченко, значительная часть религиозных слов (что можно видеть в т.ч. из приведенных выше примеров), сопровождается в ПЦС документированным

¹³ Рассмотрение словарных статей ПЦС, описывающих религиозную лексику, показывает, что в их толковательной части, помимо филологических сведений, зачастую содержится также богатый энциклопедический материал, касающийся различных аспектов православной культуры. Подробно об этом см. [Феликсов 2017, 63-76].

подтверждением их употреблений в церковных текстах. Помимо этого, лексикографируемые слова нередко снабжаются соответствующими языковыми примерами, иллюстрирующими определенную их формальную или смысловую особенность. Однако в этой связи необходимо обратить внимание на то, что Г. Дьяченко делает ошибки в ряде случаев в определении церковнославянских форм, приводя, как следствие, неверный иллюстративный материал: толкуя глагол «*подвижитица*» ‘устремляться, притти в движеніе’, Дьяченко приводит в качестве языкового примера фразу из *Истории государства Россійскаго* Н.М. Карамзина «и иконы *подвижшася* по стенамъ», из которого видно, что автор ПЦС ошибочно полагает, что глагол «подвижшася» образован от «подвизатися», а не от «подвижитися» («подвижуся»); при лексикографировании слова «дѣвая», ссылаясь на 7-ю песнь Кан. Пресв. Бог., Г. Дьяченко неверно определяет его частеречную принадлежность, указывая на то, что оно является существительным («=дѣва»), а не прилагательным; толкуя глагол «оживляю», составитель ПЦС иллюстрирует его, ссылаясь на Дѣян. 7, 19 («*уморити младенци нѣх и не оживити*») и Цар. 20, 31 («*да негли оживитѣ дѣши наша*»), не различая формообразовательные основы совершенного и несовершенного вида и производные от них формы («*оживити (оживитѣ) – оживляю*», вместо «*оживляти – оживляю*») и т.п. Подобного рода ошибки, подмеченные в тексте ПЦС еще современниками Г. Дьяченко, свидетельствуют, по мнению проф. И. Живановича, о слабом знакомстве его составителя «съ церковнославянской грамматикой» [«Богословскій вѣстникъ» 1900, 155]. К сожалению, они не были устранены и при втором издании ПЦС.

В целом нужно констатировать, что в филологическом отношении при описании религиозной лексики труд Г. Дьяченко в основе своей не является самостоятельным научным сочинением. Лингвотекстологический анализ описанных выше филологических материалов, содержащихся в ПЦС, выявляет факт того, что большая часть словарных статей богословской тематики, представляя собой, вопреки заявлениям Г. Дьяченко, сделанным им в Предисловии к своему труду, не результат его самостоятельных научных исследований, а компиляцию и редакцию указанных выше источников, зачастую с обширным дословным их цитированием¹⁴.

Несмотря на отмеченные факты, безусловно, нельзя не признать и положительного в филологическом отношении значения труда Г. Дьяченко в контексте исследуемой темы, которое заключается прежде всего

¹⁴ На факт компилятивности ПЦС указывают как дореволюционные, так и современные исследователи. См. подробнее: [Прибавленіе къ Церковнымъ вѣдомостямъ 1899, 1956-1957; Давыденкова 2014]. В связи с этим важно отметить, что Г. Дьяченко во многих случаях не только не приводит ссылку на источник, из которого им был заимствован материал, но и в целом не маркирует «чужой» текст, что создает ложное представление относительно авторства словарной статьи. Одним из таких ярких примеров является рассмотренная нами выше словарная статья *Паперть*.

в том, что в нем впервые в истории русской лексикографии, опираясь на данные языкознания XIX в., была сделана попытка представить наиболее полное описание конфессионально-терминологической системы православного вероучения, что позволяло использовать данный труд в качестве одного из основных пособий при изучении церковнославянских текстов. Таким образом, ПЦС закрыл в определенной мере в русской культуре лагуну, связанную с недостаточным словарно-энциклопедическим описанием религиозной лексики, заложив основы для развития отечественной церковной лексикографии и став в то же время незыблемым языковым пособием в катехизаторско-миссионерском служении для многих наших религиозных педагогов и просветителей XX века, не потеряв своей значимости и по сей день.

Библиография

- Aleksëev" Petr" Aleksëevič". 1817-1819. *Cerkovnyj slovar'*. 4-e izd. Sankt-Peterburg [Алексѣевъ Петръ Алексѣевичъ. 1817-1819. *Церковный словарь*. 4-е изд. Санкт-Петербургъ].
- «Bogoslovskij vestnik». 1900. Т. 2. № 5: 147-157 [«Богословский вѣстник». 1900. Т. 2. № 5: 147-157].
- D'âcenko Grigorij. 1900. *Polnyj cerkovno-slavânskij slovar'*. Moskva [Дьяченко Григорій. 1900. *Полный церковно-славянский словарь*. Москва].
- Davydenkova Mariâ Ėmil'evna. 2014. *Citaty iz slovarâ prot. A.I. Nevostrueva v slovarë prot. G.M. D'âcenko*. «Vestnik PSTGU III: Filologîâ» Вып. 1 (36): 29-36 [Давыденкова Мария Эмильевна. 2014. *Цитаты из словаря прот. А.И. Невоструева в словаре прот. Г.М. Дьяченко*. «Вестник ПСТГУ III: Филология» Вып. 1 (36): 29-36].
- Feliksov Sergej Vladimirovič. 2012. *Istoriko-ètimologičeskij i semantičeskij aspektu v «Cerkovnom slovarë» P.A. Alekseeva*. «Russkaâ reč'» № 4: 90-101 [Феликсов Сергей Владимирович. 2012. *Историко-этимологический и семантический аспекты в «Церковном словаре» П.А. Алексеева*. «Русская речь» № 4: 90-101].
- Feliksov Sergej Vladimirovič. 2017. *«Polnyj cerkovno-slavânskij slovar'» protoiereâ Grigoriâ D'âcenko kak leksikografičeskij učebnik pravoslavnoj kul'tury konca XIX – načala XX vv.* «Vestnik PSTGU IV: Pedagogika. Psihologiâ» Вып. 4 (47): 63-76 [Феликсов Сергей Владимирович. 2017. *«Полный церковно-славянский словарь» протоиерея Григория Дьяченко как лексикографический учебник православной культуры конца XIX – начала XX вв.* «Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология» Вып. 4 (47): 63-76].
- «Hristianskoe čtenie». 1890. № 7-8: 233-238 [«Христианское чтение». 1890. № 7-8: 233-238].
- Maksimovič-Ambodika Nestor Maksimovič. 1783. *Anatomiko-fiziologičeskij slovar'*. 1783. Sankt-Peterburg [Максимович-Амбодика Несторъ Максимовичъ. *Анатомико-физиологический словарь*. Санкт-Петербургъ].
- Nevostrujev Aleksandr Ivanovič. 2008. *Slovar' rečenij iz bogoslužebnyh knig*. «Vestnik PSTGU III: Filologîâ» Вып. 4 (14): 71-112 [Невоструев Александр Иванович. 2008. *Словарь речений из богослужебных книг*. «Вестник ПСТГУ III: Филология» Вып. 4 (14): 71-112].

- Pekarskij Petr Petrovič. 1862. *Nauka i literatura Rossii pri Petre Velikom*. Sankt-Peterburg [Пекарский Петръ Петровичъ. 1862. *Наука и литература Россіи при Петрѣ Великомъ*. Санкт-Петербургъ].
- Pravoslavnaâ enciklopediâ*. 2013. Т. 16. Moskva: 518-520 [Православная энциклопедия. 2013. Т. 16. Москва: 518-520].
- Pribavleniè k" Cerkovnym" vedomostâm"* 1899. № 47: 1956-1958 [Прибавление къ Церковнымъ вѣдомостямъ. 1899. № 47: 1956-1958].
- Simeon Solunskij 1884. *Kniga o hrame*. V: *Istoričeskoe, dogmatičeskoe i tajnstvennoe iz"âsnenìe Božestvennoj Liturgii*. Sankt-Peterburg: 246-251 [Симеонъ Солунскій 1884. *Книга о храмѣ*. В: *Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе Божественной Литургіи*. Санкт-Петербургъ: 246-251].
- Suhomlinov Mihail Ivanovič. 1874. *Istoriâ rossijskoj Akademii*. Т. I. Sankt-Peterburg. [Сухомлиновъ Михаилъ Ивановичъ. 1874. *Исторія російской Академіи*. Т. I. Санкт-Петербургъ].
- Veniamin (Krasnopevkov-Rumovskij). 1992. *Novaâ skrižal'*. Т. 1. Moskva: 28-29 [Вениамин (Краснопевков-Румовский). 1992. *Новая скрижаль*. Т. 1. Москва: 28-29].

Summary

FEATURES OF THE LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF RELIGIOUS LEXICON IN THE UNABRIDGED CHURCH SLAVONIC DICTIONARY (1899-1901) OF THE ARCHPRIEST GRIGORY DYACHENKO

This article is devoted to consideration of features of the lexicographic description of religious lexicon in *The unabridged Church Slavonic dictionary* (1899-1900) archpriests of Grigory Dyachenko who became one of the last fundamental lexicographic compositions of the Synod period in Russia. This dictionary has not been an object of scientific research thus far. The main circle of lexicographic sources which attracted G. Dyachenko to the description of confessional lexicon is established. Additionally, the maintenance of a religious slovník, volume of the submitted linguistic information and the methods of historical, etymological and semantic analyses used by the originator at the lexicographic description of religious lexicon are analyzed.

Kontakt z Autorem:
svfeliksov@gmail.com